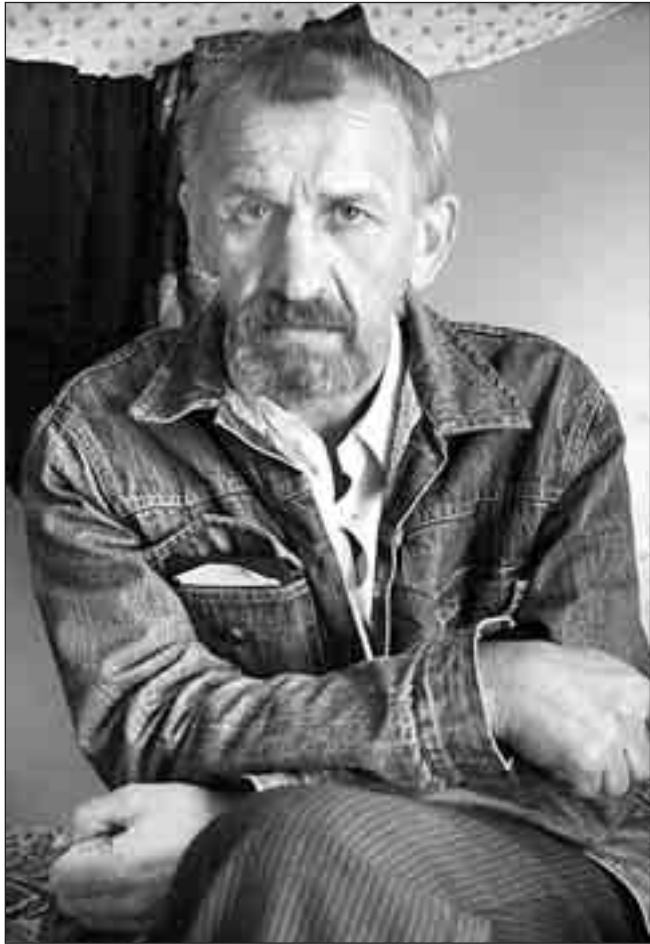

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ ВЧЕРА И ЗАВТРА

БОМЖ: ГДЕ ЕМУ НАЙТИ СЕБЕ МЕСТО СЕГОДНЯ

Так называемые лица бомж давно уже мозолят глаза жителям нашего «самого культурного города». О проблеме писано немало. Но делается ли что-то конкретно для ее решения?

В поисках ответа я решил начать с «Концепции Генерального плана развития города Москвы до 2020 года». На более чем полусотне страниц этого документа чего только не изложено! И «социально-экономические предпосылки», и «образ города», и «варианты территориального развития», и «градостроительные функции», и «городской транспорт», и «безопасная экология», и «регенерация историко-культурного наследия».

Лишь в разделе «объекты социального и культурно-бытового обслуживания населения» - упоминание о домах ночного пребывания лиц категории бомж. Проще говоря, ночлежках. Сейчас в городе их всего пять (в том числе одна на весь ЦАО - самый густонаселенный бомжами округ). К 2020 году ночлежек должно быть 17.

В НИИ градостроительного проектирования, разработавшем концепцию генплана, бомжей жалеют, но поделать ничего не могут. Они учитывают в генплане только то, что имеет «территориальную проекцию» - то есть реально существует. А бомжи вот не имеют никакой «проекции», так что их как бы и нет.

После этого я постарался выяснить, кто и что у нас в городе знает про бомжей. В Институте социологии РАН мне выдали телефоны 15. Еще несколько десятков номеров, должностей и фами-

лий я выудил в справочниках и Интернете. По каждому номеру социологи если и откликнулись, то с явной неохотой. Как правило, все ссылались друг на друга. «Вы обязательно позвоните такому-то, он знает, кто занимается у нас бомжами». Звоню. Он называет следующий номер: уж там, мол, точно знают про бомжей. Но там переводят на следующего. И так несколько дней подряд.

В правительстве города несколько комитетов ответствовали, что бомжи не в их компетенции. Справочная правительства направила меня в Комитет по труду и социальной защите населения. Я туда уже обращался, но там мне довольно раздраженным тоном поведали, что в каждом районе города работают отделы по обеспечению социальной защиты населения, там же создаются различные комиссии, которые только

и занимаются, что решают проблемы бомжей. Есть городской пункт учета - туда каждый порядочный бомж должен прийти, чтобы государство о нем позаботилось. Ему определяют размер пенсии или пособия, устанавливают льготы, окажут содействие в лечении, помогут оформить медицинский полис. Непонятно только, где этот пункт и как бомж может его найти, если в комитете адрес не дают. В справочнике «Желтые страницы» его тоже нет. Даже в Интернете, если бомж вдруг полу-

чит туда доступ, адрес пункта отсутствует.

Существует и законодательство, согласно которому действуют комитеты, отделы и комиссии. Назвать конкретные законы моя собеседница отказалась - и вышла из себя окончательно. Хотя я ее, видит бог, ничем не обидел, ничего плохого ни сделать, ни сказать не хотел. В сущности и я, и она радеем о благе государства и его граждан. Я, как порядочный, спросил: могу ли сослаться в газете на доброе имя собеседницы, назвав ее ФИО и должность. «Нет!» - отрезала она. «Почему?» - удивился я. - Разве вы сообщаете мне что-то незаконное или ваша информация недостоверна? Оказалось, что «просто это работа пресс-секретаря». Я попросил собеседницу, если ее, конечно, не затруднит, вывести меня на пресс-секретаря. «Нет» - прозвучало снова. «Почему?» - «Потому что пресс-секретарь в отпуске».

В НИИ, разработавшем концепцию генплана, заместитель генерального директора был корректен. Объяснил мне, осторожно подбирая слова, что бомжи, равно как помойки и благоустройство территорий, - очень важные в социальном отношении вопросы. Но институт вынужден опираться только на данные статистики и мнение ученых, которые ему предоставляют солидные и уважаемые комитеты. А уж решать проблемы - «это не наше дело».

В этом НИИ считают, что нелегальных мигрантов в городе от 300 до 500 тысяч человек. Это сопоставимо с населением, скажем,

Люберец. Социологи РАН полагают, что бомжей и нелегалов гораздо больше. Не приводя точных цифр - о цифрах они просто-напросто не могут договориться - каждый старший научный сотрудник со своими практикантами считает по-своему, сообразно своей диссертации и статьям, опубликованным в научных журналах. Самая же потрясающая статистика - в Комитете по труду и социальной защите населения, по данным которого бомжей у нас всего-навсего... 6-7 тысяч.

...Теперь, признаться честно, ощущение у меня донельзя странное. Бездумные люди как спали на улицах, так и спят. Никто их не считает, не кормит, не поит. Но, с другой стороны, о них думают. Само интересное: люди, с которыми мне пришлось пообщаться по поводу безобразия, творящегося в нашем прекрасном городе, полном бомжей, - люди-то какие хорошие! За редкими исключениями они внимательны, профессиональны, ответственны. Они каждый день слушают новости, едут на работу, посвящают свое время, силы, энергию благоустройству и усовершенствованию. И концепция Генплана развития Москвы тоже явно намекает на то, что сотни людей стараются сделать так, чтобы все было хорошо. Комитеты создаются, комиссии формируются, распоряжения пишутся, генеральные планы составляются, программы разрабатываются, контроль осуществляется, по итогам работы отчитываются...

Прямо сказать, я не понимаю, почему все эти люди - чиновники, общественники, научные сотрудники, секретарши - действительно работают, а проблемы остаются. В смысле - вопросы «кто виноват» и «что делать». Из года в год. Из документа в документ.

Геннадий ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Когда «я не хочу жить» бросает в лицо своим родителям подросток, это чаще всего бравада или всплеск эмоций по поводу внешнего раздражителя. Если на ту же волну настроен человек зрелый, лет 40-50, для него это - синдром кризиса среднего возраста. Но когда смерть представляется желанным выходом человека престарелого, это уже выбор осознанный, у которого чаще всего одна причина - одиночество.

...И К ЖИЗНИ БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

ИНТЕРЬЕР

В квартире Александры Макеевны Полевой, участницы войны и ветерана труда, как будто бы остановилось время. Любой предмет - это свидетель прошлого, для будущего здесь места не осталось. Кресла с деревянными ручками, с накинутыми на них вязаными ковриками давно не принимали в себя гостей. Старый, с покосившимися ножками сервант скрывает за мутными стеклами остатки чайного сервиза и несколько цветных, модных еще в 50-е годы, бокалов. Квадратный, застеленный вытертой клеенкой стол уже забыл запах праздничного обеда. О том, что здесь еще есть жизнь, напоминают лишь несколько горшков с геранью да котенок, гоняющийся размотанный клубок.

Хозяйка почти не использует слов в будущем времени, не говорит «завтра», «потом», «через месяц»... Уходит от вопросов о детях, внуках, вовлекает своим рассказом в собственное прошлое. В голодное детство. В опаленную войной юность. В беду, что пришла на молодость, отмеченную похоронами родных детей. В зрелые годы, заполненные работой, семьей, домом. В то время, когда она так страстно хотела жить.

ДЕТСТВО

В семье, где отец - лесничий, а мать - крестьянка, было пятеро детей. Двое умерли от голода еще в младенчестве. За ними в 1932-м ушел отец. Когда

умирал, посоветовал жене отвезти трех девочек в Киев, к брату - там, мол, край хлебный. А на родине, в Орловской области, надеяться было уже не на что. Мать собрала нехитрые пожитки и с тремя дочерьми отправилась в путь. Но чувствуя, что голод не тетка и до Киева не доведет, мать, обливаясь слезами, оставила самых младших под забором: авось добрые люди подберут. Так и вышло. Через некоторое время обе девочки попали в Смеловский детский дом. Но встретиться им довелось только в 1938 году. В то время мать работала в РКК посудомойкой, и ей разрешили забрать Сашу, единственную выжившую дочь, в общежитие, где жили по 24 человека в комнате.

ВОЙНА

Первый день войны остался в памяти Александры Макеевны на всю жизнь. Пятнадцатилетняя девочка прилипла лбом к оконному стеклу и смотрела в овраг, откуда редкими, одиночными выстрелами отстреливались наши солдаты. Потом под гром орудийных залпов и треск автоматных очередей небольшая горстка людей, намотав на штыки портянки, выходит из оврага с поднятыми руками. Не сдается только один - лет 20. Когда он выходит из окопа, немцы бросаются к нему, но он сам распоряжается своей жизнью, выпустив последнюю пулю в висок. Потрясенные враги хоронят его прямо на месте боя со всеми почестями - как героя. А Саша с того дня потеряла речь. Ее так

и звали - Немая - в партизанском отряде Кожухова, где она воевала в составе диверсионной группы.

О смерти она тогда не думала - очень хотела жить.

СВАДЬБА

День Победы стал для 18-летней Сашы днем свадьбы. Ее муж Иван был офицером связи и, получив назначение в местечко на границе Афганистана и Таджикистана, примерно в 700 километрах от цивилизации, вместе с молодой женой уехал туда. Их двое детей - девочки-двойняшки - прожили всего четыре дня. Вскоре в поселке появилось целое кладбище детей. Ничего не сказав мужу, Саша улетела в Москву. Встретились они через полгода. Он не мог ей простить бегства, а она - старых любовных писем, что нашла в планшете у Ивана. Резюме этой истории любви подвела Сашина мама: гордая коза - волку корысть. После первой встречи в Москве последовало еще несколько, но восстановить отношения не удалось. Но и тогда она не думала о смерти, потому что хотела подарить жизнь своим детям.

РАБОТА

Мирная жизнь началась для Александры Макеевны с проверки на Лубянке. Основанием для того стало ее пребывание на оккупированной территории. Черных пятен в ее биографии не нашли, но поступить в пограншколу не разрешили. Дальнейший трудовой

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

путь отмечен в трудовой книжке только тремя записями: Дом моделей, Московский химзавод и МИСИ, откуда она ушла на пенсию главным бухгалтером.

- Вы знаете, что на нашей швейной фабрике работал Сергей Павлович Королев? - лицо Александры Макеевны освещается улыбкой. - Он поступил сразу же после освобождения, в 1949 году. Все работницы закройного цеха были ему благодарны за то, что он изменил конструкцию закройного ножа, который в первоначальном варианте был опасен для жизни. А еще у нас работал Слава Зайцев. Он пришел к нам после института, я его прекрасно помню. Особенно когда рассказывал, что за неделю он должен придумать 200 моделей. Ни о каком нашем творчестве при этом речи быть не могло - было очень много работы. Но я работы не боялась, очень любила жизнь.

ИТОГ

Сейчас эта любовь ослабла.

- Я не хочу быть ни для кого обузой! - говорит Александра Макеевна. - Очень плохо вижу, и трудно выходить на улицу. Кажется, мне уже пора подводить черту. Я никогда ничего не боялась, не прятала голову в песок, не избегала опасных заданий в партизан-

ском отряде, не чувствовала усталости, когда пришлось после войны осваивать новую счетную технику и работать с утра до ночи. Но если бы я знала, что все это в итоге приведет к одиночеству... Я больше не хочу жить!

...Формально Александра Макеевна не одинока. У нее есть старшая сестра, два сына, внучка и правнучка. Но с сестрой, которой уже больше 80 лет, она может общаться только по телефону, молодежь занята своими проблемами. Поэтому Александра Макеевна обратилась за помощью в социальную службу. Но там, сославшись на то, что в квартире Полевой прописан ее старший сын, в просьбе отказали. Опять-таки формально они правы. Но, может быть, это не тот случай, когда стоит тщательно придерживаться буквы закона? Ведь не было же такого закона, чтобы 15-летняя девочка взрывала немецкие эшелоны, воевала в партизанском отряде, потом в 19 лет хоронила своих детей, а в 78 призывала смерть! Да и в какой свод правил могут уложиться человеческие качества - доброта, участие, великодушие? Тем более когда так мало осталось времени... Может быть, формализм - это попросту наше равнодушие? Ведь от равнодушия, как от пуль, не увернешься...

Елена ПЕРМИНОВА